

Глаголев С. С. Астрономия и богословие: [Рец. на: *Astronomie et Théologie par Le K. P. Th. Ortolan. Paris, 1894*] // Богословский 1897. Т. 4. № 11. С. 304–327 (2-я пагин.). (Окончание.)

АСТРОНОМІЯ И БОГОСЛОВІЕ.

Astronomie et Theologie par Le K. P. Th. Ortolan. Paris. 1894. p p 1—XII+434.

(*Окончание*) *).

Однимъ изъ достоинствъ книги Ортолана является ея благородный тонъ. Будучи католикомъ, онъ съ уваженіемъ цитируетъ православныхъ писателей и, полемизируя съ писателями враждебными христіанской религіи, онъ по его собственному выраженію, идетъ только противъ ученій, но не противъ лицъ; по отношенію къ послѣднимъ онъ не позволяетъ себѣ никакихъ оскорбительныхъ и рѣзкихъ выраженій. Но за всѣмъ тѣмъ особенности католическаго исповѣданія налагаютъ особый отпечатокъ на книгу Ортолана, заставляютъ его въ нѣкоторыхъ пунктахъ отступать отъ правды и безпристрастія и слѣдовать мнѣніямъ неосновательнымъ и страннымъ.

Сознательно, или безсознательно, но Ортоланъ представляетъ далеко не въ вѣрномъ свѣтѣ процессъ Галилея. Ортоланъ говоритъ, что Галилей плохо обосновалъ свою теорію и имѣлъ смѣлость предложить свое толкованіе Библии, чѣмъ раздражилъ конгрегацию; папа, по представленію Ортолана, былъ въ этомъ дѣлѣ непричемъ. Процессъ Галилея изучень въ настоящее время во всѣхъ подробностяхъ. Дѣло было не совсѣмъ такъ. Преслѣдованіе и осужденіе Галилея совершалось и совершилось по волѣ и желанію папы, и мы лично думаемъ, что на мѣстѣ папы и каждый, имѣющій силу, поступилъ бы также съ Галилеемъ, а можетъ быть многіе поступили бы и гораздо хуже. Геній Галилея стоялъ неизмѣримо выше его нравственнаго мужества; ме-

*) См. „Б. В.“ Октябрь.

нѣе, чѣмъ кто-либо, Галилей былъ способенъ бросить въ лицо суду знаменитую, но легендарную фразу „*e pur si muove*“, но онъ былъ очень способенъ дѣйствовать хитростью, лукавствомъ и дурачить тѣхъ и надсмѣхаться надъ тѣми, которые были къ нему искренно расположены, хотя и не раздѣляли его воззрѣній. Галилей родился въ 1564 году и до 1632 г. жилъ въ чести и славѣ и не подвергался преслѣдованію. Его взгляды не были тайною, и однако даже папа Павелъ V, глубоко не сочувствовавшій этимъ взглядамъ, оставлялъ его въ покоѣ. Преслѣдованіе на Галилея воздвигъ папа Урбанъ VIII (ранѣе кардиналъ Маффео Барберини)—личный другъ Галилея. Какъ это случилось? Когда Урбанъ VIII вступилъ на престолъ, Галилею представилось, что теперь наступило удобное время для того, чтобы хлопотать объ отмѣнѣ запрещенія вложеннаго на книгу Коперника „*De revolutionibus orbium coelestium*“. Съ этою цѣлю онъ путешествовалъ къ папѣ изъ Флоренціи въ Римъ. Онъ былъ принятъ весьма любезно, его осыпали подарками, къ его покровителю тосканскому герцогу Фердинанду II папа отправилъ письмо, въ которомъ восхвалялъ не только великія дарованія Галилея въ наукѣ, но и его любовь къ благочестію. Но естественно, что папа не обнаружилъ особенной охоты къ астрономическимъ диспутамъ; должно быть онъ одинаково не зналъ, какъ теоріи Птолемея, такъ и Коперника; Галилею въ спорахъ съ нимъ онъ добродушно возражалъ, что ангелы легко могутъ двигать звѣзды такъ, какъ онѣ кажутся намъ двигающимися, что Богъ всемогущъ и Его нельзя подчинять закону необходимости. Галилей не добился снятія запрещенія съ книги Коперника, но самъ остался у папы въ полной милости. Что же онъ сдѣлалъ послѣ этого? Онъ написалъ книгу „*Dialogo intorno ai due massimi sistemi del mondo*“, въ которомъ два лица—Сагрето и Сальвиати (имена дѣйствительныхъ друзей Галилея) излагаютъ и объясняютъ воззрѣнія Галилея третьему собесѣднику Симпличіо (простякъ, дуракъ), который ихъ оспариваетъ. Диалогическая форма сочиненія оставляла въ тѣни автора. Читателю представлялось самому оцѣнить аргументы собесѣдниковъ, а книга послѣднее слово оставляла за Симпличіо, который изрекалъ, что „Богъ всемогущъ и Его нельзя подчинять закону необходимости“.

Галилею, къ его несчастію, удалось напечатать книгу (цензоръ не понялъ ея и въслѣдствіи пострадалъ за свое непониманіе). Заинтересованные читатели безъ труда узнали въ Симпличіо Урбана VIII и довели о книгѣ Галилея послѣднему. Папа былъ раздраженъ, и Галилей былъ преданъ суду. Насколько можно судить по всему, ему не столько пришлось претерпѣть лишеній и страданій, сколько нравственнаго униженія. Астрономъ, насмѣхавшійся надъ Симпличіо, долженъ былъ торжественно, стоя на колѣнахъ, произнести предъ священною конгрегаціей, между прочимъ, слѣдующія слова: ...я „былъ сильно подозрѣваемъ въ еретическомъ мнѣніи, что солнце стоитъ неподвижно въ центрѣ міра, а не земля, которая движется. Поэтому, желая изгладить изъ мысли вашихъ преосвященствъ и всякаго католика такое сильное, но справедливое противъ меня подозрѣніе, съ чистымъ сердцемъ и искреннею вѣрою, я отрицаюсь, проклинаю и ненавижу вышеупомянутыя ереси и заблужденія, и вообще всякое другое заблужденіе, противное ученію св. римско-католической церкви; я клянусь, что впредь не скажу и не буду утверждать ни словесно, ни письменно ничего могущаго возбудить противу меня подобныя подозрѣнія, и если узнаю о какомъ либо еретикѣ или подозрѣваемомъ въ ереси, то донесу о немъ саму святому судилищу инквизиціи или инквизитору того мѣста, въ которомъ буду находиться“⁵⁾... Должно полагать, что это печальное отреченіе вполне удовлетворило Урбана. Галилей былъ осужденъ на заключеніе въ тюрьму, но по волѣ папы былъ освобожденъ изъ нея, не пробывъ въ ней и двухъ сутокъ. Обсуждая теперь, два съ половиною столѣтій спустя, этотъ процессъ, нельзя признать, чтобы папа поступилъ въ этомъ дѣлѣ съ крайнею жестокостію, или что Галилей былъ безусловно правъ. Но Ортоланъ устраняетъ изъ этого процесса папу, потому что ему хочется, чтобы римскій первосвященникъ сохранилъ престижъ непогрѣши-

⁵⁾ Процессу Галилея посвящена обширная литература. Въ настоящее время ему обыкновенно всегда отводится мѣсто въ католическихъ учебникахъ по апологетикѣ и основному Богословію. На русскомъ языкѣ свѣдѣнія о немъ можно найти въ переводныхъ книгахъ Араго (біографія знаменитыхъ астрономовъ..., астрономіи), въ статьяхъ Вредихина „процессъ Галилея“ (Русскій Вѣстн. 1871, N 8 и 1876, N 12) и др.

мости. Папа, мстящій за личное оскорбленіе, этотъ образъ не по душѣ католическому богослову. Ортоланъ является въ своемъ разсужденіи о Галилеѣ болѣе католикомъ, чѣмъ это требуется отъ католика. Нѣкоторыя выраженія Ортолана о непогрѣшимости можно понять въ томъ смыслѣ, что папа непогрѣшимъ и въ научныхъ вопросахъ, но этого не признаетъ и ватиканское вѣроученіе 70-го года.

Вообще разбирающій *sine ira et studio* самыя странныя гипотезы и теоріи, Ортоланъ только однажды измѣняетъ своему спокойному тону. Это, когда онъ говоритъ о космологическихъ представленіяхъ Козьмы Индикоплевста. Онъ сильно иронизируетъ надъ монахомъ-географомъ и даже изложенію его взглядовъ предпосылаетъ слова Горация: „*rigum teneatis, amici*“. Мы думаемъ, что Ортоланъ не правъ въ этомъ случаѣ. Воззрѣнія Гратри, Шаботи и Делестра, къ которымъ Ортоланъ относится благосклонно, заслуживаютъ гораздо болѣе порицанія и смѣха, чѣмъ ученіе Козьмы. Эти католическіе писатели, предложившіе свои фантастическія теоріи, обнаружили самомнѣіе, нисколько не оправдываемое, ихъ повидимому, небогатыми дарованіями, они обнаружили претензіи знать и видѣть то, чего не знали и не видали другіе, и они показали, что они не могутъ усвоить ни христіанской вѣры, ни данныхъ науки. Что касается до Делестра, то его теорія настойчиво внушаетъ мысль, что онъ былъ душевно больнымъ человѣкомъ. Однако Ортоланъ ко всѣмъ этимъ писателямъ относится съ почтеніемъ и не находитъ достаточно выраженій, чтобы поглумиться надъ Козьмою. Но мы думаемъ, что на немъ лежала обязанность показать неосновательность глумленій надъ Козьмою историковъ географіи. Этотъ смѣлый и предприимчивый мореплаватель оказалъ землевѣдѣнію очень много услугъ и во всякомъ случаѣ его нельзя сравнивать съ иронизирующими надъ нимъ жалкими географами, вся заслуга которыхъ заключается въ томъ, что они знаютъ о чужихъ изслѣдованіяхъ и открытіяхъ. Въ своей „христіанской топографіи“ Козьма сообщилъ много новыхъ точныхъ и чрезвычайно цѣнныхъ свѣдѣній объ Индіи, Эіопіи, объ африканской и индійской фаунѣ. Изъ Александріи, откуда онъ былъ родомъ (вслѣдствіе этого его иногда и называютъ египтяниномъ), онъ совершалъ отдаленныя путешествія во всѣ из-

вѣстныя страны древняго міра и обо всемъ, что онъ видѣлъ и слышалъ, онъ передавалъ съ безусловною правдивостію. Въ его сочиненіи находятся важныя указанія на отношенія Египта, Индіи и Китая къ Римской имперіи (наприм., описаніе двухъ надписей на памятникѣ въ Эѳіопскомъ городѣ Адулисъ. нынѣ Зулла, нѣсколько къ югу отъ Массовы). Его языкъ, по отзыву специалистовъ, отличается ясностію и легкостію необычайными для византійца VI столѣтія. Свою книгу Козьма снабдилъ рисунками ⁶⁾.

Теоретическія представленія Козьмы, конечно, не имѣютъ значенія. Но думаемъ, что въ VI столѣтіи они стояли не ниже многихъ другихъ гипотезъ и что на нихъ нельзя смотрѣть, какъ на ничемъ не управляемый полетъ фантазіи. Самое представленіе земли въ видѣ продолговатаго четырехугольника для географа VI столѣтія имѣло основаніе не въ своеобразно только истолкованныхъ посланіяхъ св. Павла, но и въ собственныхъ наблюденіяхъ. Александрійскій путешественникъ того времени гораздо болѣе и далѣе ѣздилъ на востокъ и на западъ отъ своей родины, чѣмъ на сѣверъ и на югъ. Пространство отъ Гибралтара до Китая, вѣдь, несравненно значительнѣе разстоянія отъ Дуная до Эѳіопіи. Предположеніе Козьмы, что на западѣ и сѣверѣ міра находятся возвышенія, за которыми солнце скрывается при своемъ движеніи по небу, есть примитивное объясненіе восхода и заката, для своего времени нелишенное правдоподобія. Его предположеніе, что на сѣверѣ есть громадная конусообразная гора, за вершиною которой солнце ходитъ лѣтомъ, за основаніемъ (гораздо на большее время скрывающимъ солнце, чѣмъ вершина) зимою, когда оно движется ниже, является остроумнымъ объясненіемъ различной продолжительности дней и ночей въ различныя времена года. Его гипотезы очень просто и ясно объясняли астрономическія явленія. Онѣ оказались невѣрными, но сколько еще гипотезъ, которыя существуютъ теперь въ паукѣ, окажутся совершенно несостоятельными. Неужели онѣ заслужать только глумленіе?

⁶⁾ Краткія свѣдѣнія о Козьмѣ см. въ энциклопед. словарь Брокгауза и Эфрона. 30 полутомъ. О миниатюрахъ на рукописяхъ его см. Кондакова „Исторію византійскаго искусства“ (стр. 86 и слѣд.).

Но во всякомъ случаѣ если надъ кѣмъ смѣяться, то болѣе заслуживаетъ смѣха не тотъ, кто предложилъ несостоятельное объясненіе, а тотъ, кто ему повѣрилъ. Въ этомъ отношеніи любопытно, что космологическія концепціи Козьмы не встрѣтили сочувствія въ Византіи. За то на католическомъ западѣ онѣ пользовались большимъ распространеніемъ. Любили и на Руси почитать „книги о Христѣ obejmлюща весь міръ“ или „книги Козьмы нарицаемаго Индикоплова, избранны отъ божественныхъ писаній благочестивымъ и повсюду славимымъ киръ Козьмою“, но на Руси было не много книгъ, и образованіе стояло низко. Неудивительно, что и книги Козьмы были здѣсь жадно глотаемую духовною пищею. Но почему западъ тяготѣлъ къ его космографическимъ идеямъ?—мы отвѣтимъ на этотъ вопросъ немного ниже.

Теперь отмѣтимъ еще одну и послѣднюю погрѣшность Ортолана въ исторической части его труда. Говоря о томъ, гдѣ св. отцы помѣщали адъ и рай, и отмѣчая, что адъ они обыкновенно предполагали находящимся въ центрѣ земли, Ортоланъ прибавляетъ (р. 123), что рядомъ съ адомъ они помѣщали чистилище. Но кто изъ восточныхъ отцовъ далъ ему такую топографію? Онъ не приводитъ ни одного цитата, но вообще для ознакомленія съ эсхатологическими доктринами отцовъ отсылаетъ читателя къ курсу Догматики Суареца. Однако не обращаясь къ Суарецу, уже изъ книги Ортолана можно узнать, почему онъ приписалъ изложенныя представленія св. отцамъ. „Рядомъ съ адомъ, говоритъ онъ, они (св. отцы и вообще церковные писатели) помѣщали чистилище, потому что большинство отождествляло его очистительное пламя съ тѣмъ, которое будетъ жечь въ жилищѣ вѣчныхъ мученій“. Т. е., говоря иначе, св. отцы сливали чистилище съ адомъ, потому что не предполагали существованія никакого чистилища. Какъ католикъ, Ортоланъ ищетъ у восточныхъ отцовъ ученія о чистилищѣ и думаетъ, что они ставили и рѣшали вопросъ о томъ, гдѣ оно находится. Не найдя у нихъ этихъ изысканій, онъ по своимъ соображеніямъ опредѣляетъ, какъ они должны были рѣшить вопросъ, и свое собственное рѣшеніе выдаетъ за отеческое. Здѣсь мы наглядно видимъ, какъ католическія убѣжденія пренятствовали автору оставаться безусловно вѣрнымъ правдѣ.

Но все это только частныя отступленія отъ правды, обусловленные вѣроисповѣдными тенденціями автора. Есть въ его воззрѣніяхъ и сужденіяхъ общій недостатокъ, который отражается на содержаніи всей его книги и который обусловленъ его католическими убѣжденіями. Особенности католицизма издавна характеризуются терминомъ „вещественность“. Католики—крайніе реалисты въ дѣлахъ вѣры. Они любятъ ощупывать и, такъ сказать, матеріализовать самыя духовныя предметы и вопросы. Второе пришествіе Сына человѣческаго, будущій судъ, области ада и рая католическіе богословы живописали такими яркими красками, какъ будто всѣ эти событія и мѣста они созерцали собственными глазами. И все они описывали по образу и подобию того, что представляетъ собою земля и ея жизнь. Они въ своихъ представленіяхъ матеріализовали духовъ, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ, они блаженство святыхъ стремились представлять по образцу земнаго счастья, и мы видимъ, что католическое искусство изображало праведниковъ и праведницъ въ видѣ красивыхъ здоровыхъ людей, отъ которыхъ вѣяло земнымъ благополучіемъ, но которые вовсе не направляли мысли къ небу. Вотъ, почему и „христіанская топографія“ Козьмы встрѣтила сочувственный откликъ на западѣ и усердно читалась католиками. Козьма крайне реально представляетъ себѣ то, что должно мыслиться духовно (полагаютъ, что его космографическія представленія имѣютъ въ основѣ сирійскія воззрѣнія). Звѣзды у него приводятся въ движеніе ангелами (какъ и у папы Урбана). Надъ фирмаментомъ (твердію, небомъ) у него поднимался другой этажъ міра, на которомъ находятся избранные, а надъ этимъ этажомъ возвышается царство небесное, глава котораго Иисусъ Христосъ указываетъ въ него путь вѣрующимъ. Все въ описаніяхъ Козьмы просто, ясно и вещественно, и католики—эти религіозные матеріалисты—должны были увлекаться его писаніями. Но вслѣдствіе этихъ же свойствъ въ Византіи не увлекались произведеніемъ Индиконлевста. Православные богословы всегда твердо помнили, что духовное нельзя представлять по образцу земнаго. Какъ въ византійскомъ искусствѣ не было реализма, и византійскія изображенія святыхъ говорятъ объ умерщвленіи плоти, побѣдѣ надъ земнымъ и тлѣннымъ и исклю-

чительной жизни духа, такъ и въ религіозныхъ представленіяхъ восточныхъ богослововъ все матеріальное изгонялось и „духовное сразу суждалось духовно“. Ортоланъ, излагая ученія церковныхъ писателей объ эсхатологическихъ вопросахъ, адѣ, раѣ и др., не хочетъ замѣтить, что великіе свѣточи востока — св. Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ—учили, что по этимъ вопросамъ нельзя сказать ничего вѣрнаго и что совершенно безразсудно въ отвѣтъ на нихъ давать точныя опредѣленія. Писатели запада не вняли этому предостереженію. На всѣ вопросы относительно предметовъ вѣры, которые вызываются празднымъ любознательствомъ, и рѣшеніе которыхъ нисколько не полезно для духовнаго развитія и усовершенія челоуѣка, они попытались дать самые полные и обстоятельные отвѣты. Отвѣты эти были совершенно фантастическими. Позднѣйшіе богословы запада должны были отвергнуть ихъ, но замѣчательно, что, отвергнувъ отвѣты, они не перестали заниматься вопросами, вслѣдствіе этого стали появляться отвѣты новые. Таковыя предлагаетъ и Ортоланъ. На вопросъ о второмъ пришествіи онъ, мы видѣли, склоняется къ отвѣту, что земля можетъ погибнуть отъ паденія на нее массы метеоритовъ, и что конецъ земли не будетъ концомъ видимой вселенной. Онъ представляетъ себѣ, что праведники будутъ любоваться звѣзднымъ небомъ точно такъ же, какъ мы любимъ имъ теперь въ звѣздныя ночи. Онъ развиваетъ теорію возстановленія тѣла, причемъ вопросъ о взаимоотношеніи духа и тѣла готовъ рѣшить такъ, что посредствующимъ началомъ между матеріею и душою является эфиръ (во эфиръ—матерія; что же такое душа?). Онъ сочувственно относится къ воззрѣніямъ Гратри, Шаботи и Делестра и, опровергая ихъ большыя грезы, не говоритъ, что самыя ихъ попытки рѣшить поставленные ими эсхатологическіе вопросы, неслѣзны, а только ограничивается утверженіемъ, что ихъ рѣшенія несостоятельны. Между тѣмъ, въ св. Писаніи онъ могъ бы найти ясныя указанія, что всѣ попытки представить это отдаленное будущее будутъ безуспѣшными. „Возлюбленные! говоритъ св. Іоаннъ Богословъ, мы теперь дѣти Божіи; не еще *не открылось, что будемъ*. Знаемъ только, что когда откроется, будемъ подобны Ему, потому что увидимъ Его.

какъ Онъ есть“ (1 Иоан. III, 2). Одному человѣку было отчасти открыто это будущее. „Знаю человѣка во Христѣ, говоритъ св. ап. Павелъ, который назадъ тому четырнадцать лѣтъ (въ тѣлѣ ли—не знаю, внѣ ли тѣла—не знаю: Богъ знаетъ) восхищенъ былъ до третьяго неба. И знаю о такомъ человѣкѣ (*только* не знаю — въ тѣлѣ или внѣ тѣла: Богъ знаетъ), что онъ былъ восхищенъ въ рай и слышалъ неизреченныя слова, которыхъ человѣку нельзя сказать“ (2 Коринѳ. XII, 2—4). Такимъ образомъ видѣнне, которое созерцалъ св. Павелъ, неопишимо, и откровеніе, которое онъ получилъ, непередаваемо. Но если видѣвшій говоритъ, что на человѣческомъ языкѣ нельзя передать видѣннаго и слышаннаго, то какъ же не видѣвшіе хотятъ намъ нарисовать эту неопишемую картину блаженнаго будущаго.

Наука въ этомъ дѣлѣ не можетъ оказать помощи. Мы думаемъ, что ея значеніе по отношенію къ вопросу о многочисленныхъ мірахъ и ихъ судьбѣ должно быть инымъ. Она не разрѣшаетъ недоумѣній, но она устраняетъ возраженія, которыя противъ религиозныхъ представленій выставляли невѣрующіе мыслители. Прежде всего она показываетъ полную несостоятельность разсужденій о несовмѣстимости ничтожества земли съ ея великимъ назначеніемъ. У Ортолана написано много прекрасныхъ страницъ о томъ, что признаніе ничтожности размѣровъ земли не можетъ сколько колебать вѣру въ воплощеніе на землѣ Сына Божія. Но съ своимъ реалистическимъ взглядомъ на вещи Ортоланъ опускаетъ изъ вида, что говоритъ глубокая наука о ничтожествѣ, неизмѣримости, вообще пространствѣ; въ своихъ сужденіяхъ о размѣрѣ звѣздъ и разстояніяхъ между ними онъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, которая допускаетъ реальность пространства, размѣровъ и разстояній въ томъ видѣ, въ какомъ они намъ представляются.

Но современная геометрія учитъ насъ, что наши разсужденія громаднымъ, неизмѣримомъ имѣютъ субъективный характеръ, что намъ и безконечно малое можетъ показаться безконечно большимъ и что вообще дѣйствительныя размѣры вещей намъ неизвѣстны. Постараемся по возможности проще и короче изложить это ученіе. Въ геометріи Эвклида есть теорія, имѣющая очень важное значеніе на практикѣ, это—

теорія подобныхъ фигуръ и тѣлъ. Двѣ фигуры или два тѣла называются подобными, когда взаимоотношеніе элементовъ въ одномъ изъ нихъ совершенно тождественно съ взаимоотношеніемъ соотвѣтствующихъ элементовъ въ другомъ. Такъ, если мы представимъ себѣ одинъ треугольникъ, стороны котораго равны 4, 5 и 6 аршинамъ и затѣмъ другой, стороны котораго равны 8, 10, 12, то такіе треугольники будутъ подобными, взаимоотношеніе элементовъ у нихъ будетъ тождественнымъ ($4:5=8:10$; $5:6=10:12$), углы между равно взаимоотносящимися элементами будутъ равны (уголъ, заключенный въ одномъ треугольникѣ между сторонами въ 4 и 5 аршинъ, будетъ равенъ углу въ другомъ треугольникѣ, заключенномъ между сторонами въ 8 и 10 аршинъ; вообще въ подобныхъ фигурахъ и тѣлахъ углы, заключенные между взаимноподобными элементами, равны). Точно также, если мы представимъ себѣ два цилиндра, отношенія осей у которыхъ къ діаметрамъ основаній равны ($3:7=6:14$), то такіе цилиндры тоже называются подобными. На теоріи подобныхъ фигуръ и тѣлъ основывается устройство моделей, снятіе плановъ и т. д. Такъ, глобусъ есть модель земнаго шара. Если мы представимъ себѣ глобусъ, имѣющій 2 аршина въ діаметрѣ, и припомнимъ, что діаметръ земнаго шара равенъ 12 тысячъ верстамъ (мы беремъ приблизительную цифру), то получимъ, что всѣ обозначенія длины на нашемъ глобусѣ соотвѣтственно меньше обозначаемыхъ ими разстояній на земномъ шарѣ въ 9 милліоновъ разъ, т. е. во столько-же, во сколько 2 аршина менѣе 12 тысячъ верстъ. Въ подобныхъ тѣлахъ отношеніе поверхностей равно отношенію квадратовъ линейныхъ разстояній. Такъ, поверхность нашего глобуса будетъ не въ 9 милліоновъ разъ меньше поверхности земнаго шара, но въ 9 милліоновъ разъ въ квадратѣ ($9.000.000^2$). Таково будетъ отношеніе поверхности Европѣ на глобусѣ къ дѣйствительной Европѣ, таково будетъ отношеніе поверхностей острововъ, материковъ, озеръ и морей на глобусѣ къ соотвѣтствующимъ пространствамъ земли. Отношеніе объемовъ подобныхъ тѣлъ равно кубу отношенія ихъ линейныхъ разстояній. Такъ, нашъ глобусъ по объему окажется въ 9 милліоновъ разъ въ кубѣ меньше земнаго шара ($9.000.000^3$).

Теперь представимъ себѣ, что какое-нибудь существо съ сверх-человѣческими силами и способностями, руководясь изложенною нами теоріею, захотѣло бы построить модель всего видимаго міра. Положимъ, модель настолько малую, что ее легко могла бы зажать рука ребенка. Положимъ далѣе, что наше воображаемое существо обладало бы способностями произвести подобныхъ намъ людей, животныхъ, произвести растенія, причемъ всѣ эти организмы жили бы жизнію совершенно тождественною съ нашей и отличались бы отъ насъ только своими чрезвычайно микроскопическими размѣрами. Дѣйствія всѣхъ физическихъ законовъ въ нашемъ новомъ мірѣ должны быть аналогичными дѣйствию ихъ въ томъ мірѣ, въ которомъ мы живемъ, измѣнились бы только законы объ абсолютныхъ (но не объ относительныхъ) разстояніяхъ. Такъ, лучъ свѣта въ нашемъ новомъ мірѣ долженъ пробѣгать въ секунду 280 тысячъ верстъ тамошнихъ, а не нашихъ, и свѣтовая волна тамъ должна быть во столько разъ меньше нашей, во сколько тамъ разстояніе между солнцемъ и землею меньше, чѣмъ у насъ. Теперь перенесемъ мысленно въ эту воображаемую систему міра. Передъ нами человѣкъ съ той земли — земли настолько малой, что при помѣщеніи ся отъ насъ на разстояніи наилучшаго зрѣнія (12 дюймовъ) она не можетъ быть видима ни въ какіе микроскопы. Но мы и безъ микроскопа легко можемъ представить себѣ, какъ разсуждаетъ, чувствуетъ и оцѣниваетъ вещи проблематической человѣкъ нашего воображаемаго міра. Совершенно такъ же, какъ и мы. Его земля для него такъ же велика, какъ для насъ наша; его солнце отъ него такъ же далеко, какъ и отъ насъ наше. Онъ съ такою же гордостію, какъ и мы, говоритъ о величій силѣ человѣка, создавшаго желѣзныя дороги, въ короткое время переносящія путешественниковъ на громадныя разстоянія, онъ гордится телескопомъ, при помощи котораго ему удалось наблюдать удивительныя явленія на солнцѣ, гордится микроскопомъ, при помощи котораго открылъ удивительный міръ микро-организмовъ. Онъ такъ же, какъ и мы, говорилъ бы о безконечности пространства. Сдѣлаемъ еще одно предположеніе. Допустимъ, что какой-нибудь человѣкъ съ нашей земли незамѣтнымъ для него образомъ былъ бы перенесенъ на ту землю, причемъ его размѣры соотвѣтственно бы уменьши-

лись. Такъ какъ между тою землею и нашею мы предпо- лагаемъ полное соотвѣтствіе, то допустимъ, что лицо, со- отвѣтствующее нашему человѣку перенесенному туда, было бы перенесено оттуда на нашу землю, причемъ размѣры его увеличились бы соотвѣтствующимъ образомъ. Замѣтили ли бы наши лица, происшедшія съ ними переменны? Нѣтъ, они этого не могли бы замѣтить: ихъ отношенія къ окружаю- щимъ ихъ предметамъ и лицамъ остались бы неизмѣнными. Отсюда слѣдуетъ выводъ, что въ какое бы количество разъ не уменьшилась (или все равно и увеличилась) вселенная, мы этого бы не замѣтили, разъ отношенія между предме- тами остались бы прежнія. Если-бы сейчасъ, вотъ въ это самое мгновеніе, вся вселенная свелась бы къ размѣрамъ одной точки, мы попрежнему бы удивлялись ея величію и говорили бы о громадномъ разстояніи между звѣздами. Протагоръ говорилъ, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ ве- щей, и это выраженіе справедливо и въ геометрическомъ (измѣреніе разстояній) и въ физическомъ (измѣреніе силъ) смыслѣ. Между-звѣздныя пространства кажутся намъ гро- мадными, потому что число, выражающее отношеніе нашей собственной величины къ этимъ пространствамъ, превышаетъ наше разумѣніе. Совокупность силъ дѣйствующихъ въ мірѣ оцѣнивается человѣкомъ также и по той же причинѣ. Но будучи мѣрою всѣхъ вещей, человѣкъ не имѣетъ мѣры для измѣренія самого себя. Такимъ образомъ, онъ познаетъ лишь отношенія между вещами, но не вещи. Онъ знаетъ, во сколько разъ разстояніе между солнцемъ и землею меньше разстоя- нія между солнцемъ и Нептуномъ, онъ знаетъ, во сколько разъ солнце сильнѣе притягиваетъ землю, чѣмъ земля солнце, но онъ не знаетъ дѣйствительныхъ размѣровъ ни одного предмета, не знаетъ дѣйствительной величины притягиваю- щей или отталкивающей силы ни одного тѣла. Размышле- ніе приводитъ къ выводу, что изъ какого угодно малаго количества пространства, матеріи и силъ и вообще тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ образуется существующее, можно построить міръ, который для существъ въ немъ живущихъ будетъ казаться такимъ же, какимъ для насъ кажется нашъ. Этотъ выводъ подсказываетъ другой, что можетъ быть и наша вселенная въ сущности безконечно мала, и что только то обстоятельство, что мы сами представляемъ собою без-

конечно малую часть этого бесконечно-малаго цѣлаго, за-
ставляетъ насъ смотрѣть на вселенную, какъ на нѣчто без-
конечно большое.

Итакъ, мы не знаемъ, какова вселенная въ дѣйствитель-
ности, мы знаемъ только, что въ геометрическомъ и физи-
ческомъ отношеніяхъ она неизмѣримо больше насъ и нашей
планеты. Мы не можемъ отсюда дѣлать никакихъ упизитель-
ныхъ выводовъ для нашей духовной природы, но крайней
мѣрѣ умные люди никогда не дѣлали ихъ. Когда Гамлету,
скорбно говорившему, что свѣтъ представляетъ собою
тюрьму, льстивый придворный возразилъ: „можетъ быть
свѣтъ тѣсень для великой души вашей и потому кажется
тюрьмою“, онъ отвѣтилъ: „о Боже мой! моя великая душа
помѣстилась бы въ орѣховой скорлупѣ, и я считалъ бы себя
владыкою безпредѣльнаго пространства“... Значеніе духа
вовсе не обуславливается размѣрами заключающаго его въ
себѣ тѣла. Слонь больше человѣка и однако не умнѣе его,
система Альцъ несравненно больше всѣхъ слоновъ міра и
однако во всей ихъ каменной громадѣ скрыто менѣе жизни
и разума, чѣмъ въ тѣлѣ послѣдняго дикаря. Говорять о
ничтожествѣ земли по сравненію съ звѣздными мірами,
пускай—земля ничтожна, но человѣкъ, живущій на землѣ,
не ничтоженъ. Еще Наскаль говорилъ, что человѣкъ выше
вселенной. Вселенная можетъ сокрушить человѣка, но ея
стихійныя силы, уничтожая хрупкаго носителя разума, не
будутъ сознать, что они уничтожаютъ его, а человѣкъ
будетъ сознать, что его убиваетъ сила стихій. *La grandeur
de l'homme est grande en ce qu'il se connaît misérable. Un
arbre ne se connaît pas misérable.* Но не только дерево не
сознаетъ своего ничтожества, его не сознаетъ и солнце,
между тѣмъ какъ и солнце есть только ничтожная песчинка
по сравненію со всею системою млечнаго пути. У Вольтера
въ одномъ изъ его произведеній два гигантскихъ предста-
вителя двухъ гигантскихъ міровъ ведутъ между собою раз-
говоръ о назначеніи звѣздъ, въ разговоръ вмѣшалось малень-
кое животное въ черненькой шапочкѣ, залпугавшееся на
мизинцѣ одного изъ собесѣдниковъ (собесѣдникъ прибылъ
съ земли), и сказало, что все создано для людей (къ кото-
рымъ принадлежало и это животное) и что объ этомъ можно
узнать въ сокращенномъ изданіи сочиненій св. Фомы. Безъ

сомнѣнія, еслибы на другихъ мірахъ существовали чувственно-разумные обитатели, то отсюда бы слѣдовало, что физическая вселенная создана не для одного человѣчества. Но мы не знаемъ такихъ обитателей. Только вопреки Вольтеру мы можемъ рѣшительно утверждать, что на солнцѣ и Сиріусѣ ихъ нѣтъ, и что если существованіе солнца имѣетъ какую-либо цѣль, то эта цѣль заключается не въ немъ самомъ, а скорѣе въ тѣхъ маленькихъ животныхъ, которыя живутъ на землѣ и надъ которыми такъ пронизировалъ фернейскій философъ.

Въ Божественномъ откровеніи мы находимъ прекрасное разъясненіе двоякаго отношенія человѣка къ вселенной. „Когда взираю я на небеса Твои,—дѣло Твоихъ перстовъ, на луну и звѣзды, которыя Ты поставилъ, говоритъ псалмопѣвецъ, то что *есть* человѣкъ, что Ты помнишь его и слышишь человѣческій, что Ты посѣщаешь его“ (Псал. VIII, 4—5)? Человѣкъ такъ малъ и ничтоженъ въ сравненіи со всѣмъ тѣмъ, что создано Всемогущимъ, что представляется непонятнымъ, почему Богъ проявляетъ о немъ особенное попеченіе. Но псалмопѣвецъ не оставляетъ поставленнаго имъ вопроса безотвѣтнымъ. Въ дальнѣйшихъ стихахъ своего псалма онъ даетъ этотъ отвѣтъ. „Немного Ты умалилъ его предъ ангелами: славою и честію увѣнчалъ его: и поставилъ его владыкою надъ дѣлами рукъ твоихъ; все положилъ подъ ноги его“ (6—7)... Ничтожный физически, человѣкъ, созданный по образу Божію, великъ духовно, вълѣдствіе этого *все* то безмѣрное количество физической эергій (по сравненію съ его физическими силами), которое заключаетъ въ себѣ вселенная, должно быть подчинено ему. Какъ совершится это, мы не знаемъ, но, зная непреложность Божественныхъ обѣтованій, мы твердо вѣруемъ этому. Ученые, отрицающіе существованіе цѣлей въ природѣ, говорятъ, что если признать, что обитаема только земля, то тогда существованіе безчисленныхъ міровъ (нельзя сомнѣваться, что многіе міры никогда не будутъ усмотрѣны даже въ телескопъ) окажется совершенно безцѣльнымъ. Это разсужденіе дважды несостоятельно. Во 1) если вообще цѣлей нѣтъ, то нечего удивляться и безцѣльному существованію міровъ; во 2) существованіе этихъ міровъ можетъ имѣть и ближайшія и отдаленныя цѣли. () ближайшихъ цѣляхъ насъ

ясно учить Писаніе. „Егда (сотворены) быша звѣзды, говорятъ Самъ Богъ Іову, восхваляша Мя гласомъ велимъ вси ангели мои“ (Іов. XXXVIII, 7)⁷⁾. Красота новосозданной вселенной вызвала ликование среди ангеловъ. Значить, созерцаніе ея служитъ источникомъ радости и для небожителей. Мы не знаемъ, какою она представляется имъ, но думаемъ, что она представляется иною и несравненно болѣе прекрасною, чѣмъ какою созерцаемъ ее мы. Вѣдь, мы видимъ только тѣни вещей, но не вещи, однако и насъ небо плѣняетъ своею чарующею красотою. На югѣ небо прекраснѣе, чѣмъ у насъ, вотъ почему у народовъ древности, жившихъ на югѣ, астрономическія представленія имѣли такое большое значеніе въ религіи и жизни. „Нужно видѣть, говоритъ Вейссъ, въ прекрасную восточную ночь, какъ въ глубинахъ темноголубаго неба сіяютъ звѣзды съ блескомъ неизвѣстнымъ въ Европѣ, нужно видѣть это, чтобы понять, почему восточный человѣкъ въ ихъ восходѣ и закатѣ признавалъ особенное дѣйствіе Божественнаго могущества. Въ блескѣ ихъ лучей, свѣтящихъ изъ таинственной глубины, на него какъ бы смотрѣло Божество своими безчисленными очами, ихъ пламенное писаніе являлось для него вѣстью о Безконечномъ, темныя увѣщанія котораго онъ принималъ въ свое сердце. А когда онъ замѣчалъ, что жизнь и умираніе въ природѣ, весна и осень находятся въ строгой связи съ движеніемъ пзвѣстныхъ свѣтилъ, то онъ еще убѣжденнѣе разсматривалъ ихъ, какъ могущественныя силы жизни ⁸⁾“. Но и человѣкъ востока и юга могъ видѣть на небѣ только то, что доступно взору человѣка. Для ангеловъ въ глубинахъ неба должно открываться то, о чемъ мы не можемъ и помыслить и чего не можемъ и представить. У св. Ефрема Сирина есть толкованіе словъ Спасителя: „въ домѣ Отца Моего обителей много“ (Іоан. XIV, 2 . Ортоланъ произвольно хочетъ видѣть въ этихъ словахъ указаніе на многочисленность обитаемыхъ міровъ и подѣ

⁷⁾ Приводимъ этотъ текстъ по славянски (переводъ съ LXX), такъ какъ въ русской Библии (переводъ съ еврейскаго) онъ имѣетъ иной смыслъ („кто положилъ краеугольный камень ея—земли, ст. 6 —при общемъ ликованіи утреннихъ звѣздъ, когда всѣ сыны Божіи восклицали огь радости“ (7)?)

⁸⁾ Natur und Offenbarung. 1893. № 1. Wigand. Geschichte d. Naturwissenschaft.

обителями готовъ разумѣть обитающія планеты. Св. Ефремъ относить эти слова и къ ангеламъ и къ праведникамъ, вообще ко всѣмъ, кому принадлежитъ участіе въ царствѣ славы, но его толкованіе несравненно болѣе глубоко, и изъ его толкованія мы, между прочимъ, можемъ понять, какъ должно быть различно впечатлѣніе, производимое вселенною на различные созерцающія существа. „Многими обителями у Отца, говоритъ онъ, Спаситель называетъ мѣры разумнія водворяемыхъ въ оной странѣ (царствѣ небесномъ), разумію же тѣ различія и разности, съ какими наслаждаются тамъ, сообразно съ своимъ разумніемъ. Ибо Господь наименовать многія обители не по разности мѣстъ, но по степени дарованія. Какъ лучами солнца чувственного наслаждается всякій, по мѣрѣ чистоты зрительной силы и впечатлѣнія, и какъ отъ одного свѣтильника, освѣщающаго одинъ домъ, каждый лучъ бываетъ различенъ, между тѣмъ какъ свѣтъ не дѣлится на многіе свѣтильники: такъ въ будущей вѣкъ всѣ праведные водворяются нераздѣльно, въ единой радости. Но каждый въ своей мѣрѣ озаряется сданнымъ мысленнымъ солнцемъ, и по степени достоинства очерпаетъ радость и веселіе, какъ бы въ одномъ воздухѣ и мѣстѣ, сѣдалищѣ, созерцаніи и образѣ. И никто не видитъ мѣры и высшаго и низшаго, чтобы, смотря на превосходящую благодать другого и на свое лишеніе, не имѣть въ этомъ для себя причины къ скорби и беспокойству. Да не будетъ сего тамъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія, но всякій, по дапной ему благодати, въ своей мѣрѣ веселится внутренно, а по внѣшности у всѣхъ одно созерцаніе и одна радость *)“. Слѣдуя толкованію св. Ефрема, мы должны предположить, что и различнымъ чинамъ ангельскимъ въ различной мѣрѣ открывается красота міровой сущности и назначеніе отдѣльныхъ міровъ.

Но безъ сомнѣнія всѣ они въ нѣкоторой мѣрѣ прозрѣваютъ, въ чемъ заключается это назначеніе. Мы не знаемъ этого относительно многихъ міровъ, но мы вѣруемъ, что ихъ бытіе не останется безцѣльнымъ. Нашъ разумъ не можетъ допустить, чтобы вышій Разумъ произвелъ что-нибудь

*) Гворенія св. Ефрема Сиринскаго. Изданіе четвертое. 1897 г. Часть третья 67. О блаженныхъ обителяхъ.

напрасное. Необитаемые и невѣдомыя міры можетъ быть представляють собою матеріалъ, который по исполненіи времени окажется нужнымъ. Библия и Церковь учатъ насъ о воскресеніи тѣлъ. Значить, физическая природа будетъ существовать и въ будущемъ вѣкѣ. Она будетъ преобразована и, безъ сомнѣнія, праведники будутъ владычествовать надъ ней безраздѣльно. Это владычество будетъ благимъ и вещество и силы міровъ оно будетъ направлять ко благу. Мы не знаемъ, какъ это будетъ, мы не можемъ представить этого, но присущая нашему духу вѣра въ цѣлесообразность существующаго заставляетъ насъ вѣрить этому.

Эту вѣру въ цѣлесообразность доселѣ еще не поколебалъ ни одинъ фактъ. Только опытъ научилъ насъ, что мы въ рѣдкихъ случаяхъ можемъ разгадывать цѣли природы, эти цѣли иногда бываютъ столь отдаленными, что усмотрѣть ихъ совершенно не въ состояніи человѣческое зрѣніе. Перенесемъ мысленно въ отдаленное геологическое прошлое нашей планеты, положимъ, въ каменноугольную эпоху. Людей, млекопитающихъ, птицъ тогда еще не существовало на землѣ. Но положимъ, что гдѣ-нибудь, на какихъ-нибудь мірахъ жили существа подобныя людямъ, обладавшія разумомъ и ставившія себѣ вопросы о причинѣ и цѣли явленій. Положимъ, что какой-нибудь представитель такихъ существъ оказался случайно на нашей землѣ. Безъ сомнѣнія, ландшафтъ, развернувшійся предъ нимъ, онъ нашелъ бы унылымъ и однообразнымъ. Каламиты, сигилляріи, ликонодіевыя, лепидодендроны—растенія подобныя нашимъ хвощамъ, плаунамъ, только гигантскихъ размѣровъ, древовидные папоротники, хвойныя и саговыя, вотъ все, что бы онъ встрѣтилъ. Очень естественно, что нашему предполагаемому посѣтителю земли пришли бы въ голову слѣдующія соображенія: зачѣмъ, для чего растутъ эти унылыя чешуйчатыя и звѣздчатыя растенія? Если даже допустить, что въ нихъ есть своеобразная красота, то эту красоту никто не наслаждается и не будетъ наслаждаться; пользы они никому не приносятъ, они даже не могутъ служить пищею для тѣхъ организмовъ, которые населяють землю. Несомнѣнно, что природа производитъ много безцѣльнаго, она произвела ихъ и она ихъ уничтожитъ, никому они не были полезны и никому не принесетъ пользы

ихъ смерть. Разсуждая такъ, нашъ мыслитель вналь бы въ глубокое заблужденіе. Эти—по его мнѣнію — бесполезныя деревья природа впослѣдствіи превратила въ каменный уголь, который такъ нуженъ современному человѣчеству. Но и въ этомъ ихъ еще не главное значеніе. Въ филогенетическомъ процессѣ міровой жизни они были необходимыми посредствующими звеньями между низшими растительными формами девонской и силлурійской эпохъ и разнообразными высшими видами растеній, которыя даны въ обладаніе человѣку. Въ ту отдаленную эпоху они уже таили въ себѣ потенцію высшихъ формъ жизни, которыя явились потомъ, какъ ихъ отдаленнѣйшее потомство, черезъ безчисленное количество поколѣній. Господь ведетъ міръ къ совершенствованію, но пути, которыми Онъ ведетъ, въ большей части случаевъ остаются загадочными и непонятными для человѣка. „Непостижимы судьбы Его и неизслѣдимы пути Его“ (Римл. XI, 33)!

Людей, настаивающихъ на ничтожествѣ земли и, слѣдовательно, своемъ собственномъ, сильно смущаютъ отдаленныя по времени цѣли точно такъ же, какъ и міры отдаленныя по пространству. Зачѣмъ Богъ достигаетъ намѣченныхъ цѣлей въ теченіе долгихъ вѣковъ, а не мгновенно, зачѣмъ міры, если не навсегда, то въ теченіе тысячелѣтій остаются никому не нужными и бесполезными? Но кто имъ сказалъ, что эти міры не нужны и бесполезны? Можетъ быть они нужны для устойчивости нашей системы, можетъ быть для чего-нибудь другого. Затѣмъ эта рѣчь о тысячелѣтіяхъ такъ же наивна, какъ и рѣчь о громадныхъ пространствахъ. „У Господа одинъ день, какъ тысяча лѣтъ, и тысяча лѣтъ, какъ одинъ день“ (2 Петр. III, 8 ср. Псал. LXXXIX, 5). Что такое время и его продолжительность? Не можетъ ли намъ безконечно-малое время показаться безмѣрно громаднымъ, какъ это, мы видѣли, можетъ случиться съ безконечно-малымъ пространствомъ? Для измѣренія времени, какъ и для измѣренія протяженія, мы не имѣемъ объективной единицы. Продолжительность протекашаго времени мы имѣруемъ количествомъ перемѣнъ протекашихъ въ это время. Единицею времени мы считаемъ періодъ обращенія земли вокругъ своей оси, двадцать четвертую часть этого періода мы называемъ часомъ. Но представимъ себѣ.

что земля стала бы вращаться вокругъ своей оси въ миллионъ разъ быстрее, въ миллионъ разъ быстрее повеслась бы она по своей орбитѣ вокругъ солнца, соответствующимъ образомъ измѣнилось бы ускореніе, сообщаемое на землѣ тѣламъ силою тяжести, въ миллионъ разъ быстрее стали бы совершаться въ насъ физиологическіе и психологическіе процессы. Замѣтили ли бы мы происшедшее ускореніе? Нѣтъ, тысячелѣтія, которые тогда въ дѣйствительности были бы менѣе продолжительны, чѣмъ $\frac{1}{2}$ нашихъ сутокъ, казались бы намъ по прежнему громаднымъ количествомъ времени. Можно допустить ускореніе и большее, чѣмъ въ миллионъ разъ, и тогда получится выводъ, что всю многовѣковую исторію міра, совершавшуюся въ безконечныхъ междузвѣздныхъ пространствахъ, можно представить протекшею въ теченіе секунды времени въ районѣ, имѣющимъ радіусъ въ одинъ миллиметръ. Эти размѣры можно сокращать до безконечности, и однако исторія міра будетъ оставаться тою же, какою мы ее знаемъ—безконечно сложною и безконечно чреватою событіями.

Время, пространство, матерія, мы не знаемъ, что они представляютъ собою въ своей сущности, но мы знаемъ только одинъ родъ разумныхъ существъ, живущихъ въ условіяхъ пространства и времени и облеченныхъ въ матерію. Эти существа — люди. Если кажущуюся дѣйствительность считать дѣйствительностію истинною и если принять, что во всей вселенной обитаема только земля, то получится впечатлѣніе, что вселенная есть безконечно-громадная пустыня, въ безконечно-маломъ уголку которой затерялось нѣсколько ничтожныхъ живыхъ существъ. Но если отрѣшиться отъ этого наивнаго міропониманія, если принять — а принять это необходимо, — что на какой-то органъ нашего духа накинута повязка, скрывающая отъ его созерцанія дѣйствительный видъ вещей, тогда эта громадность міра не должна смущать насъ. Представимъ себѣ шаръ изолированный въ пространствѣ, имѣющій верстѣ 10 въ діаметрѣ, поверхность его приблизительно будетъ равна 1256 квадратнымъ верстамъ ($4\pi R^2 = 4 \cdot 3, 14 \cdot 10^2 = 1256$), представимъ себѣ, что какой-нибудь слѣпецъ, помѣщенный на этомъ шарѣ, сталъ бы изслѣдовать его поверхность; двигаясь по линіи большаго круга (какъ ходимъ и мы по

землѣ) и совершая въ день по 30 верстъ, онъ чрезъ двое сутокъ вернулся бы къ своему исходному пункту; но онъ не догадался бы объ этомъ и могъ бы вѣчно кружиться по кругу, имѣющему 62, 8 верстъ длины ($2\pi R=2 \cdot 3, 14 \cdot 10=62, 8$), предполагая, что движется въ безконечность. Если бы онъ сталъ изслѣдовать шаръ въ различныхъ направленіяхъ, то пришелъ бы къ заключенію, что онъ находится на нѣкоторой плоскости, тянущейся по всѣмъ направленіямъ въ безконечность. Не происходитъ ли нѣчто подобное и съ нами? Не кажется ли намъ вселенная такою громадною и мы въ сравненіи съ нею такими ничтожными только вслѣдствіе того, что наши духовные глаза неоткрыты? Новая, не эвклидовская геометрія намекаетъ намъ на это.

Ортоланъ говорить, что его сердце хочетъ, чтобы эти міры, свѣтящіе надъ нами, были обитаемы, чтобы и на нихъ жили разумно-нравственныя существа, чтобы между ними и нами была духовная связь. Но развѣ наше сердце не находитъ уже отрады и успокоенія въ мысли о существованіи безчисленнаго міра духовъ. Развѣ вѣра въ ангеловъ хранителей, постоянно пребывающихъ близъ насъ и охраняющихъ насъ на всѣхъ нашихъ путяхъ, не говоритъ гораздо больше нашему сердцу, чѣмъ предположеніе о существованіи жителей на Марсѣ, проводящихъ каналы на своихъ материкахъ. Наше сердце ищетъ жизни, разума и любви, и Писаніе учитъ насъ о полнотѣ жизни небожителей на небѣ.

У человѣка есть стремленіе къ безконечному, но не къ фиктивно-безконечному пространству или міру, а къ дѣйствительно безконечному Богу, и безконечный Богъ сошелъ на землю и приобщился человѣчеству и земной природѣ. Разсужденія о томъ, что Богъ не могъ воплотиться на землѣ, потому что она слишкомъ ничтожна, представляетъ собою слишкомъ плохую философію. Мы видѣли уже, что самое разсужденіе о ничтожности земли основано на плохомъ знаніи и пониманіи природы. Теперь обратимъ вниманіе на другое. Современная наука раскрыла намъ, что физическая и химическая природа всей вселенной совершенно тождественна съ земною, и уже давно мы знасмъ, что вся матерія вселенной связана связью притяженія, что свойства каждаго атома обуславливаются не его собствен-

ной природой, но воздѣйствіемъ на него всей матеріи вселенной. Отсюда соединеніе какой бы то ни было малой части матеріи съ высшимъ началомъ есть соединеніе съ этимъ началомъ всей матеріи и имѣеть своимъ слѣдствіемъ преобразование всего матеріальнаго міра. Когда Господь Богъ вдунулъ въ перваго человѣка „дыханіе жизни; и стать человѣкъ душою живою“ (Быт. II, 7), вся матерія вселенной приобщилась къ новому началу, и въ исторіи міра начался новый періодъ. Онъ продолжался до того времени, когда Самъ Богъ сошелъ на землю и соединилъ съ Своимъ Божествомъ физическую и духовную природу человѣка. Съ этого времени у человѣка явились всѣ средства, чтобы возстановить въ себѣ поврежденный образъ Божій, чтобы преобразовать и усовершенять свою духовную природу. Когда процессъ возрожденія и усовершенія достигнетъ конца, тогда и физическая природа должна будетъ преобразоваться, чтобы стать достойнымъ жилищемъ праведныхъ сыновъ Божіихъ.

„Тогда придетъ конецъ“ (Мф. XXIV, 14). Ортоланъ высказываетъ предположеніе, что можетъ быть преобразованіе земли и воскресеніе тѣлъ произойдетъ уже много спустя послѣ того, какъ послѣдній человѣкъ испуститъ послѣднее дыханіе на землѣ. Онъ предполагаетъ, что земля можетъ быть въ теченіе вѣковъ будетъ носиться по пространству въ видѣ унылаго оледенѣвшаго кладбища. Но противъ этого предположенія, повидимому, рѣшительно направляются слова св. Павла: „не всѣ мы умремъ, но всѣ измѣнимся вдругъ, во мгновеніе ока при послѣдней трубѣ: ибо вострубитъ, и мертвые воскреснутъ нетлѣнными, а мы измѣнимся; ибо тлѣнному сему надлежитъ облечься въ нетлѣніе, и смертному сему—облечься въ безсмертіе“ (1 Коринѣ. XV, 51—53). Тоже самое св. апостоль говоритъ въ посланіи къ Фессалоникійцамъ (1 Фес. IV, 16—17). Правда, слова св. Павла не могутъ быть понимаемы буквально во всемъ ихъ объемѣ. Въ выраженіяхъ „мы измѣнимся“, или „мы, оставшіеся въ живыхъ.... восхищены будемъ на облакахъ“.... или въ понятіе „мы“ не должно заключать употреблявшаго его св. Павла или подъ „живыми“ должно разумѣть не пребывающихъ на землѣ во плоти, а можетъ быть живыхъ духомъ. Но если даже по отношенію къ приведеннымъ сти-

хамъ принять и послѣднее толкованіе, то вообще и рѣчи св. Павла и рѣчи Господа утверждаютъ въ той мысли, что конецъ міра наступитъ раньше конца человѣчества. Ортоланъ не касается этихъ мѣстъ Писанія, онъ высказываетъ свое предположеніе, не опираясь ни на какія данныя.

За то онъ обнаруживаетъ упорное желаніе обосновать другое свое предположеніе,—что конецъ и обновленіе земли не будетъ концомъ и преобразованиемъ всей вселенной. Но онъ не могъ найти никакихъ аргументовъ для подтвержденія этого тезиса кромѣ того, что его уже высказывали нѣкоторые церковные писатели, и что можетъ быть звѣзды сохранятся для того, чтобы созерцаніе ихъ доставляло наслажденіе праведникамъ. Мы безусловно отрицаемъ это предположеніе Ортолана. Наука и вѣра, по нашему мнѣнію, одинаково идутъ противъ него. Наука говоритъ намъ, что звѣзды не сохраняются. Процессъ міровой жизни обуславливается неравенствомъ движеній различныхъ тѣлъ или — что въ сущности тоже—неравенствомъ ихъ температуръ. Движенія и температуры стремятся стать равными. Нѣтъ ничего въ мірѣ, чтобы препятствовало осуществленію этого стремленія. Если и происходятъ постоянно нарушенія равновѣсія температуръ и равенства движеній, то они всегда обуславливаются тѣмъ, что въ иныхъ мѣстахъ совершается уравненіе температуръ и движеній въ гораздо большемъ количествѣ. Вселенная, а слѣдовательно и звѣздная система, стремится къ нѣкоторому предѣльному состоянію¹⁰⁾, котораго когда она достигнетъ, то не будетъ уже ни солнць, ни планеть, ни темноголубаго неба.

Уча о концѣ вселенной, наука вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаетъ такое ученіе о физической природѣ міра, которое при сопоставленіи его съ ученіемъ нашей вѣры о будущей судьбѣ земли необходимо ведетъ къ выводу, что вмѣстѣ съ землею должно произойти преобразование всей вселенной. Физическая природа всего міра тождественна. Впослѣдствіи земля должна подвергнуться рѣшительному преобразованію: тлѣн-

¹⁰⁾ Популярное изложеніе этой теоріи см. въ рѣчи Клаузуса „второмъ основномъ законѣ механической теоріи тенза“. Переводъ ея помѣщенъ въ „Научномъ Обзорѣнѣ“, июль. 1897 г.

ное должно облечься въ нетлѣніе, сила притяженія не будетъ препятствовать нашимъ тѣламъ подниматься на воздухъ, самая природа тѣлъ измѣнится (преображеніе Господне, Мѡ. XVII, 2; Мрк. IX, 3; Лук. IX, 29). Этотъ мѣстный переходъ вещества въ совершенно новое состояніе мы можемъ мыслить возможнымъ, лишь предполагая, что и все остальное вещество вселенной перейдетъ въ это состояніе. Иначе невозможно представить себѣ положеніе новой земли въ системѣ стараго міра. Но этого стараго міра и не будетъ. Апостоль ждетъ не только новой земли, но и новаго неба (2 Петр. III, 13). Ортоланъ и другіе сравниваютъ будущее очищеніе земли огнемъ съ прошедшимъ очищеніемъ ея водою и ссылаются на св. Петра, у котораго находится это сравненіе. Но въ прошедшемъ было не преобразование, а наказаніе міра, и св. Петръ совершенно ясно и рѣшительно устраняетъ мысль, что будущій пожаръ будетъ подобенъ прошедшему потопу. Въ будущемъ „небеса съ шумомъ пройдутъ, стихіи же разгорѣвшись разрушатся, земля и всѣ дѣла на ней сгорятъ“¹¹⁾ (2 Петр. III, 10).

Ортоланъ слишкомъ вещественно и по земному представляетъ себѣ будущую жизнь праведниковъ. Тоже небо и тотъ же міръ и въ сущности та же земля измѣненная (можетъ быть только немного) огнемъ. Но нельзя допустить подобнаго представленія. Праведниковъ ожидаетъ блаженство, а въ этомъ мірѣ блаженство невозможно. Если преобразование не коснется міровъ неба и если эти міры обитаемы, то значитъ тлѣніе и смерть будутъ существовать и въ будущемъ вѣкѣ. Но если бы даже тлѣніе и смерть и вообще страданія исчезли, то и тогда земное благополучіе не могло бы удовлетворить людей. Этотъ міръ скрываетъ отъ насъ и дѣйствительную сущность вещей и послѣднюю цѣль бытія. Мы жаждемъ откровенія тайнъ и лучшимъ людямъ онѣ откроются, когда въ послѣдній день земля и небо сбросятъ съ себя окутывающіе ихъ покровы и явятся обновленными и свѣтоносными для прославленныхъ сыновъ земли.

Великій Платонъ предчувствовалъ это будущее созерца-

¹¹⁾ Свое пониманіе словъ Апостола мы изложили въ статьѣ „Конецъ земли“ Богословскій Вѣстникъ. 1894 г., № 4 и 11, особенно въ 11 стр. 270—271).

ніе божественной славы и красоты избранными сынами человечества. Въ его діалогѣ „пирь“ Діотема, чужестранка изъ Мантинея, наставивъ Сократа, что есть красота абсолютная, не заключающая въ себѣ ничего чувственного и тѣлеснаго, красота сама въ себѣ, отъ которой происходитъ все прекрасное, причеиъ возникновеніе и уничтоженіе всѣхъ новыхъ видовъ прекраснаго не увеличиваетъ, не уменьшаетъ и ни въ чемъ не измѣняетъ ее, наставивъ Сократа въ этомъ, говоритъ ему: „только созерцаніе абсолютной красоты сообщаетъ цѣну жизни человѣка.... Что мы должны предполагать о томъ смертномъ, который получилъ бы въ удѣлъ созерцаніе чистой, простой и непримѣсной красоты, не облеченной въ человѣческія тѣло и краски, не имѣющей въ себѣ ничего измѣниваго и исчезающаго, божественной, однородной и абсолютной? Думаешь ли ты, что человѣкъ, созерцающій такую красоту и услаждающійся ея созерцаніемъ, будетъ несчастливъ? Не представляется ли, напротивъ, тебѣ, что такой человѣкъ—единственный на землѣ, воспринимающій прекрасное органомъ, которому доступно это прекрасное—можетъ рождать не образы (*εἰδωλα*) добродѣтели, такъ какъ онъ воспринимаетъ не образы, но истинную добродѣтель, такъ какъ онъ пріобщился къ самой истинѣ? Производящій же и питающій истинную добродѣтель долженъ быть любимъ Богомъ и, если кто, то, конечно, онъ долженъ быть безсмертнымъ“¹²⁾.

То, что смутно предчувствовалъ Платонъ, ясно обѣщано вѣрующему человечеству. Праведники будутъ созерцать славу и красоту Божію. Для того, чтобы пріобрѣсть духовное зрѣніе способное къ этому созерцанію, нужно воспитать и усовершенствовать свой духъ. Богословіе учитъ, какъ должно происходить это воспитаніе, но и астрономія не должна оставаться и не оставалась безучастною къ этому великому дѣлу. „Есть двѣ вещи, сказалъ Кантъ, которыя наполняютъ душу все новымъ, возрастающимъ удивленіемъ и благоговеніемъ, чѣмъ чаще и дольше занимается ими умъ: звѣздное небо надъ нами и нравственный законъ въ насъ“.

С. Поголевъ.

¹²⁾ Platonis opera Tomus VII Symposium p. p 264 - 275 Lipsiae. 1819.